

УДК 343.1

Ибиамин Нуруевич НУРИЕВ,

доцент кафедры уголовного процесса
Дальневосточного юридического института
МВД России имени И.Ф. Шилова (г. Хабаровск),
кандидат юридических наук

amin-nuriev@mail.ru

ДВУХМЕСЯЧНЫЙ СРОК ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ: АНАХРОНИЗМ, ТРЕБУЮЩИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПЕРЕСМОТРА

TWO-MONTH PERIOD OF PRELIMINARY INVESTIGATION: ANACHRONISM REQUIRING LEGISLATIVE REVIEW

В статье исследуется закрепленный в ч. 1 ст. 162 УПК РФ первоначальный двухмесячный срок предварительного следствия, предоставляемый органам следствия для расследования уголовного дела. На основе анализа норм уголовно-процессуального законодательства, мнений ученых-процессуалистов и приведенных статистических данных автором делается вывод о несоответствии данного нормативного требования, подразумевающего завершение расследования уголовного дела в двухмесячный срок, современным реалиям практической деятельности и необходимости его законодательного пересмотра с учетом тяжести совершенного преступления.

The article examines the initial two-month period of preliminary investigation, established in Part 1 of Article 162 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, granted to investigative bodies for the investigation of a criminal case. Based on the analysis of the norms of criminal procedure legislation, the opinions of scientists in the field of criminal procedure and provided statistical data, the author comes to the conclusion that this regulatory requirement, which implies the completion of the investigation of a criminal case within a two-month period, is imperfect, and it doesn't fit with modern realities of practical activity and the need for its legislative revision taking into account the gravity of the crime committed.

Ключевые слова: предварительное следствие, разумный срок уголовного судопроизводства, органы следствия, преступление, уголовное дело, уголовное преследование.

Keywords: preliminary investigation, reasonable period of criminal proceedings, investigating bodies, crime, criminal case, criminal prosecution.

В последнее время необходимость пересмотра первоначального двухмесячного срока, отводимого законом для производства предварительного следствия, является наиболее актуальным вопросом, обсуждаемым специалистами в области уголовного процесса.

Размышляя о недостаточности указанного срока, предоставляемого органам следствия для всестороннего и качественного расследования уголовного дела, ученые-процессуалисты приводят различные причины, подтверждающие его неэффективность.

Так, Н.П. Ефремова отмечает, что в последнее время законодатель при внесении корректировок в нормы, регулирующие сроки расследования уголовных дел, заостряет внимание только на усилении контроля за продлением данных сроков, не рассматривая при этом другой немаловажный вопрос, связанный с пересмотром первоначального срока, необходимого для организации предварительного следствия. Как справедливо полагает автор, институт процессуальных сроков не должен интерпретироваться исключительно как инструмент, способствующий воспитанию должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, исходя из чего законодательные поправки должны происходить с учетом анализа правоприменительной деятельности [9, с. 424].

Соглашаясь с позицией ученого, следует отметить, что, действительно, преобразование данного института в отечественном процессуальном праве происходило в различных вопросах, кроме увеличения непосредственно срока, необходимого следователям для расследования уголовного дела.

Если обратиться к ч. 1 ст. 162 УПК РФ, определяющей первоначальный срок предварительного следствия, то можно убедиться в том, что она является единственной нормой в указанной статье, в которую не вносились поправки законодателя.

Б.Я. Гаврилов справедливо утверждает, что рассматриваемый срок впервые был закреплён более 100 лет назад в УПК РСФСР 1922 г., перешел в неизменном виде в действующее уголовно-процессуальное законодательство, и считает, что двухмесячный срок, установленный следователям для расследования уголовного дела, является анахронизмом, так как он не соответствует современным потребностям практики, противоречит принципу разумного срока уголовного судопроизводства и нуждается в скорейшем изменении [6, с. 52].

Солидаризируясь с мнением видного ученого-правоведа, стоит указать несколько серьезных аргументов, обуславливающих увеличение первоначального срока предварительного следствия.

Во-первых, в современных реалиях существенно изменился объем уголовных дел, что прямым образом отражается и на сроках проведения предварительного расследования.

Рассуждая на данную тему, Ю.А. Цветков отмечает, что большой объем уголовного дела хоть и не влияет на сложность расследуемого преступления, тем не менее данный признак довольно часто предполагает длительное предварительное расследование, с чем нельзя не согласиться [15, с. 21].

Так, если раньше уголовное дело, расследуемое, например, по типичной одноэпизодной краже, повлекшей значительный ущерб гражданину, составляло в среднем меньше ста страниц, или один том, то сегодня встретить уголовное дело, завершённое по аналогичному преступлению, меньше чем в три или два тома крайне затруднительно.

При этом стоит указать, что один том уголовного дела, как правило, составляет 250 страниц. Столь серьезный рост объема расследуемых уголовных дел связан с постепенным расширением прав участников уголовного судопроизводства, которые в обязательном порядке должны быть разъяснены в ходе проведения предварительного расследования.

Как справедливо указывает О.В. Гладышева, большинство поправок, вносимых в уголовно-процессуальное законодательство, прямо или косвенно связаны с новыми процессуальными правами, которые предоставляются участникам уголовного досудебного и судебного производства [7, с. 106]. Отмечая всю важность надлежащего обеспечения лиц, вовлекаемых в уголовно-процессуальные правоотношения дополнительными правами, предусмотренными УПК РФ, нельзя не отметить, что их постоянное расширение сказывается и на увеличении объемов материалов уголовного дела, так они должны быть соответствующим образом разъяснены и реализованы органами, осуществляющими уголовное преследование.

Дополнительной причиной значительно прироста объема уголовных дел является чрезмерная бюрократизированность всего доказательственного процесса, в результате чего выполнение некоторых следственных и

процессуальных действий, которые в большинстве случаев постоянно трансформируются, требуют серьезных временных затрат, что, безусловно, сказывается и на сроках, отведенных для расследования уголовного дела.

Следует согласиться с высказыванием А.А. Тарасова, который считает, что большая часть «бумаготворчества» в практической деятельности органов предварительного расследования зачастую создана искусственно и никак не связана с соблюдением уголовной-процессуальной формы [12, с. 156].

Корифеи уголовно-процессуальной науки полагают, что заформализованность и забюрократизированность процессуальной формы, доставшейся нам от советского периода, негативно отражается на эффективности и длительности всего досудебного разбирательства [5, с. 75], с чем мы полностью согласны.

Вторым весомым аргументом, подразумевающим необходимость увеличения сроков предварительного следствия, является тот факт, что по сравнению с советским периодом в настоящее время весомерно усложнились способы совершения большинства преступлений.

Так, современные преступления представляют собой сложные и обдуманные ком-

бинации, которые реализуются злоумышленниками в виртуальной среде при помощи новейших информационно-телекоммуникационных технологий. Указанный факт подтверждается анализом уголовного законодательства, в которое были внесены новые составы преступлений, совершаемых при помощи информационно-телекоммуникационных технологий.

Кроме этого, анализ состояния преступности в России демонстрирует, что львиную долю противозаконных деяний составляют мошенничества 70% (+73,4%, 237,1 тыс.), которые совершаются злоумышленниками как раз с помощью современных компьютерных технологий¹. Расследование таких преступлений затруднено определенными сложностями в изобличении лиц, причастных к их совершению, сбором доказательств, подтверждающих инкриминируемое им деяние, что в совокупности влияет на сроки уголовного преследования.

Третьим аргументом, обосновывающим пересмотр первоначального срока следствия, является то обстоятельство, что даже судебным органам затруднительно рассмотреть и принять решение по уголовному делу в течение двух месяцев.

Сведения об общем количестве рассмотренных уголовных дел судами общей юрисдикции Российской Федерации в период с 2019 г. по 2023 г.

Сведения	Год				
	2019	2020	2021	2022	2023
Всего рассмотрено уголовных дел	806 114	748 853	652 659	635 729	727 169
Рассмотрено уголовных дел в особом порядке	443 518	351 987	323 270	300 843	257 897
Рассмотрено уголовных дел в общем порядке	362 596	396 866	329 389	334 886	469 272
Рассмотрено уголовных дел в срок свыше трех месяцев	76 406	125 348	136 312	148 385	144 205

1 Состояние преступности в России за 2020-2022 г. // Генеральная прокуратура Российской Федерации : портал правовой статистики. URL: <http://crimestat.ru/analytics>.

Системный мониторинг деятельности судов общей юрисдикции демонстрирует, что из всех уголовных дел, по которым были приняты итоговые решения судебный корпусом в период с 2019 г. по 2023 г., в срок свыше трех месяцев были рассмотрены в среднем 126 131 уголовное дело. В 2022 г. рассматриваемый показатель достиг рекордных 148 385 уголовных дела, в 2023 г. он кардинальным образом не изменился и остался по-прежнему, на довольно высоком уровне – 144 205 уголовных дела.

При этом стоит указать, что в 2022 г. практически по каждому второму (47,3%), а в 2023 г. по каждому третьему уголовному делу (35,5%) итоговые решения судами, принимались в особом порядке, то есть в упрощенной и ускоренной форме¹.

Приведенный статистический анализ свидетельствует о том, что даже сформированное должностными лицами органов предварительного расследования уголовное дело со всей совокупностью доказательств зачастую рассматривается в судебных органах более 3 месяцев.

Как справедливо указывают ряд авторов, процесс сбора доказательств, подтверждающих вину лица в инкриминируемом ему деянии, во время производства предварительного расследования требует серьезных усилий и временных затрат во избежание ситуации, при которой в суд будет направлено уголовное дело в отношении невиновного лица [8, с. 112]. Соглашаясь с позицией ученых, следует констатировать, что в большинстве случаев расследование уголовного дела представляет собой более длительный процесс, чем его последующее рассмотрение в суде.

Исходя из сказанного, полагаем, что первоначальный двухмесячный срок следствия неэффективен и целесообразно его увеличить до 3 месяцев.

В аспекте выдвинутого нами тезиса о необходимости увеличения первоначального срока предварительного следствия представляется верным при его пересмотре уделить

пристальное внимание расследованию сложных уголовных дел.

Совершенно очевидно, что на расследование сложных уголовных дел должно выделяться больше времени (а именно первоначального срока предварительного следствия), чем на уголовные дела, не представляющие сложности в расследовании.

Данная необходимость продиктована тем, что сложность уголовного дела прямым образом влияет на длительность проведения предварительного расследования и является важнейшим фактором, учитываемым при определении разумного срока досудебного производства (ч. 3.1 ст. 6.1 УПК РФ).

Определение критериев уголовного дела, представляющего сложность в расследовании, является наиболее дискуссионным процессом в уголовно-процессуальной науке, так как единый подход ученых в этом вопросе до сих пор отсутствует

Исследуя данную правовую категорию, В.В. Трухачев указывает, что большинство авторов путают сложность уголовного дела с его трудоемкостью, хотя это два совершенно разных понятия, не тождественных друг другу, которые необходимо правильно разграничивать.

По мнению ученого, не всякое уголовное дело, даже состоящее из многочисленных эпизодов или с большим количеством участников, можно с уверенностью назвать сложным. В большинстве случаев количественные показатели лишь отражают трудоемкость уголовного дела, но никак не сложность его расследования. Преступления могут быть однотипными, совершенные одним или несколькими лицами в условиях очевидности, не представляющими сложности в расследовании. Перечисленные признаки указывают именно на трудоемкость уголовного дела [13, с. 389].

Из озвученной позиции можно с уверенностью утверждать, что главным отличием сложности уголовного дела от его трудоемкости являются усилия должностных лиц, на-

1 Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в период с 2019 по 2023 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

правленные на процедуру доказывания вины лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, то есть чем сложнее процедура доказывания, тем сложнее процесс расследования уголовного дела, с чем мы, безусловно, согласны.

Исходя из сказанного, следует отметить, что отнесение уголовного дела к категории сложных происходит исключительно по субъективному принципу. Именно поэтому следует согласиться с позицией Д.П. Великого, указывающего, что определение сложности уголовного дела является чисто субъективным процессом, напрямую зависящим от воли лица, осуществляющего уголовное судопроизводство [4, с. 21].

По нашему мнению, в большинстве случаев сложность уголовного дела прямым образом взаимосвязана с расследованием преступлений, относящихся к категории тяжких и особо тяжких.

Тяжкие и особо тяжкие преступления представляют собой более серьезную опасность для общества и государства в целом, чем преступления небольшой и средней тяжести, а их расследование зачастую подразумевает сложный доказательственный процесс, прямым образом влияющий на длительность предварительного следствия.

Так, к примеру, В.М. Быков указывает, что уголовные дела, находящиеся в производстве у органов предварительного следствия по факту преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом, представляют собой повышенную сложность в расследовании. Как верно отмечает автор, сложность расследования таких преступлений обусловлена дополнительными силами и временными затратами, направленными на изобличение всех участников совершенного уголовно наказуемого деяния, а также установление роли каждого из них [3, с. 24].

Соглашаясь с позицией ученого, стоит отметить, что перечисленные квалифицирующие признаки в большей части, образуют именно состав тяжких и особо тяжких пре-

ступлений, что еще раз подтверждает сложность расследования преступлений рассматриваемой категории.

Видные ученые в области уголовного права В.Д. Ларичев и Т.В. Якушева указывают, что ряд преступлений тяжкой и особо тяжкой категорий стало раскрывать гораздо сложнее по причине того, что они совершаются в виртуальной среде преступными объединениями, прекрасно оснащенными современным техническим оборудованием [10]. Все это приводит к возможности на протяжении длительного времени оставаться вне поля зрения правоохранительных органов, создавая преступные группы и сообщества для совершения тяжких и особо тяжких преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий.

Схожего мнения придерживается В.В. Поляков, подчеркивающий, что в настоящее время расследование высокотехнологичных преступлений требует производства большого объема следственных и процессуальных действий, оперативно-розыскных мероприятий, сложных компьютерно-технических, ситуационных, судебно-медицинских и других длительных экспертиз, направленных на сбор доказательств в целях установления лиц, причастных к совершению данного преступления [11, с. 9].

Соглашаясь с позицией ученого о сложности расследования высокотехнологичных преступлений, следует указать, что, согласно статистическим показателям, в значительной степени уменьшается количество так называемых «бытовых» хищений, совершаемых несложным способом. Однако другой вид хищения, а именно мошенничество, формирующее в основном вал преступлений тяжкой и особо тяжкой категорий, совершаемое при помощи информационно-телекоммуникационных технологий (далее — ИТТ), остается на довольно высоком уровне. Также не снижается количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, совершаемых при помощи ИТТ, и криминальные деяния в сфере ком-

пьютерной информации¹. Общее количество тяжких и особо тяжких киберпреступлений ежегодно только увеличивается², а их доля в общем числе деяний данной категории составляет 51,2%, то есть каждое второе уголовное дело³.

Все это указывает на необходимость выделения отдельных сроков для расследования тяжких и особо тяжких преступлений в связи со сложностью их расследования.

Подтверждением сделанного нами вывода может служить мнение ученых-процессуалистов Московской академии СК РФ, которые на основе проведенного анализа уголовных дел, расследованных следователями СК РФ, пришли к выводу, что завершить предварительное следствие преступлений, относящихся к категориям тяжких и особо тяжких, в большинстве случаев меньше чем за 4 месяца практически невозможно [1, с. 33].

Исходя из этого на организацию расследования уголовных дел данной (сложной) категории следует выделить больше времени при помощи внесения поправок в нормы процессуального права, регулирующие сроки проведения предварительного следствия. С указанным выводом солидарны 75,8% опрошенных респондентов из следственных подразделений, отметивших необходимость увеличения первоначального двухмесячного срока, предоставляемого следователям для расследования уголовного дела, с учетом тяжести совершенного преступления⁴.

Необходимо подчеркнуть, что уголовное дело, расследуемое по факту совершения тяжкого или особо тяжкого преступления, на практике может не представлять сложности в расследовании. В данном случае следователь всегда может завершить процесс предварительного следствия в более оперативные сроки самостоятельно или по указанию руководителя следственного орга-

на в рамках осуществления процессуального контроля, что вполне согласуется с нормативными требованиями, изложенными в ст. 6.1 УПК РФ [2, с. 28].

Вследствие этого, на наш взгляд, первоначальный срок расследования тяжких и особо тяжких преступлений должен составлять не менее 4 месяцев со дня возбуждения уголовного дела.

В целях исключения противоречий внесенных предложений с правилами продления срока предварительного следствия до 3 месяцев, закрепленными в ч. 4 ст. 162 УПК РФ, в соответствующих поправках нуждается и данная процедура, которая в настоящее время, как нам представляется, излишне бюрократизирована.

Так, в настоящее время некоторые ведомственные распорядительные акты следственных органов СК России и ОВД РФ требуют от следователей перед продлением дальнейшего срока предварительного следствия вместе с ходатайством о данном решении дополнительно предоставлять ряд иных документов (справку о движении уголовного дела, справку о выполненных следственных действиях в период расследования уголовного дела, протокол оперативного совещания о целесообразности продления срока предварительного следствия и т.д.), которые к материалами уголовного дела не приобщаются.

Рассматривая данный вопрос, представитель центрального аппарата СК России В.В. Храмова справедливо отмечает, что вместо производства полноценного предварительного расследования совершенного преступления следователю приходится длительное время тратить на составление всех вышеперечисленных документов, ничего не представляющих для доказательственного процесса [14, с. 407].

1 Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2022 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/>.

2 Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2023 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/>.

3 Статистические данные о следственной работе и дознании органов внутренних дел по форме отчета «1-Е» за 2021-2023 гг. Ф. 120, кн. 1 / ГИАЦ МВД России. URL: <http://10.5.0.16/csi/modules.php?name=Books&go=check&id=120>. Режим доступа: ведомственный доступ.

4 Были опрошены 105 респондентов из числа следователей ОВД РФ и СК РФ.

Конечно, ведомственный контроль, осуществляемый руководителями следственных органов в вопросе обоснованности и законности продлений уголовных дел, находящихся в производстве подчиненных следователей, никто не отменял, за это каждый руководитель несет персональную ответственность. Вместе с тем, по нашему мнению, руководителей соответствующих следственных органов необходимо наделить правом продления срока расследования уголовного дела до 6 месяцев. Данное предложение продиктовано необходимостью сокращения бессмысленных поездок следователей в следственный орган для продления срока расследования уголовного дела свыше трех месяцев.

Известный факт, что в большинстве следственных подразделений субъектов Российской Федерации руководители требуют от следователей личного присутствия вместе с материалами уголовного дела, по которому необходимо принять решение о продлении срока следствия, несмотря на возможность проведения данной процедуры путем использования современных средств видео-конференц-связи. Как итог, некоторые следователи порой тратят несколько дней для того, чтобы добраться до соответствующего следственного органа в целях доказать правомерность своих действий, направленных на продление срока предварительного расследования. Например, для того чтобы добраться до руководителя следственного органа УТ МВД России по ДФО железнодорожным или автомобильным транспортом из г. Владивостока в г. Хабаровск следователю требуется не менее 12 часов и такое же время обратно. И это не учитывая времени нахождения в следственном органе в ожидании испрашиваемого решения. В результате акк минимум два дня уходит только на процедуру продления сроков следствия. Из некоторых регионов страны в следственный орган можно добраться и вовсе исключительно на воздушном транспорте.

Стоит указать, что в большей степени данная процедура носит воспитательной характер, представляя превентивные меры по недопущению большого количества продлений

по расследуемым уголовным делам, и практически всегда она заканчивается положительным решением руководителя следственного органа, подразумевающим продление срока предварительного следствия.

Совершенно очевидно, что указанные функции в рамках ведомственного контроля вполне могут быть возложены на непосредственного руководителя следственного органа, что, в принципе, и происходит при принятии схожего решения о продлении мер пресечения, связанных с ограничением свободы.

К примеру, законодатель допускает продление срока содержания под стражей до 6 месяцев именно руководителем соответствующего следственного органа (ч. 2 ст. 109 УПК РФ), а вот аналогичное продление срока следствия данным должностным лицом, исходя из действующих предписаний уголовно-процессуального закона, может быть произведено исключительно до 3 месяцев (ч. 4 ст. 162 УПК РФ). По нашему мнению, такая правовая конструкция продления процессуальных сроков только затрудняет работу органов предварительного следствия, а также существенно противоречит юридической технике и логике.

Исходя из сказанного, полномочия руководителя соответствующего следственного органа необходимо расширить, наделив его правом продления срока следствия до 6 месяцев за исключением уголовных дел, указанных в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, где в отношении подозреваемого (обвиняемого) избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. В отношении указанной категории лиц данный вопрос должен разрешаться в соответствии с действующими правилами, а именно руководителем следственного органа по субъекту Российской Федерации и иным приравненным к нему руководителем следственного органа, а также их заместителями.

С учетом изложенных правовых недочетов полагаем необходимо внести следующие поправки в уголовно-процессуальное законодательство:

1) часть 1 ст. 162 УПК РФ изложить в следующей редакции: «Предварительное следствие по уголовному делу должно быть

закончено в разумный срок, не превышающий 3 месяцев со дня возбуждения уголовного дела, а по тяжким и особо тяжким преступлениям 4 месяцев со дня возбуждения уголовного дела»;

2) часть 4 ст. 162 УПК РФ скорректировать следующим образом: «Срок предварительного следствия, установленный частью первой настоящей статьи, может быть продлен до 6 месяцев руководителем соответствующего следственного органа...».

Подводя итог, следует констатировать, что потребность в пересмотре первоначального двухмесячного срока предварительного следствия назрела давно и обусловлена действием данного нормативного требования на протяжении более 100 лет, что является анахронизмом, не соответствующим нынеш-

ним потребностям следователей, осуществляющих уголовное преследование. Предложенная юридическая модель исчисления первоначального срока предварительного следствия соответствует современным реалиям практики, представители которой смогут приложить максимальные усилия для объективного расследования совершенных преступлений.

Вместе с тем для завершения уголовного преследования в разумный срок и недопущения затягивания расследования уголовных дел органами следствия в УПК РФ, на наш взгляд, также следует закрепить предельные сроки производства предварительного следствия, что более подробно будет освещено в следующем исследовании.

Библиографический список

1. Багмет, А.М. «Неразумные» сроки предварительного следствия / А.М. Багмет, А.В. Хмелева, В.И. Саньков // Российская юстиция. – 2018. – N 8. – С. 31-33.
2. Бахта, А.С. О содержании понятия разумного срока предварительного расследования / А.С. Бахта, И.Н. Нуриев // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2017. – N 2. – С. 26-29.
3. Быков, В.М. Новый закон о разумном сроке уголовного судопроизводства / В.М. Быков // Законность. – 2010. – N 11. – С. 23-29.
4. Великий, Д.П. Единство и дифференциация уголовно-процессуальной формы: история, современность, перспективы : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2001. – 211 с.
5. Гаврилов, Б.Я. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI: мнения науки и практика / Б.Я. Гаврилов, В.П. Божьев // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – N 2. – С. 74-81.
6. Гаврилов, Б.Я. Современное досудебное производство по уголовным делам требует реформирования / Б.Я. Гаврилов // Вестник экономической безопасности. – 2022. – N 2. – С. 47-56.
7. Гладышева, О.В. Об упрощении уголовного судопроизводства, следственных и иных процессуальных действий / О.В. Гладышева // Юридический вестник Самарского университета. – 2017. – N 4. – С. 105-109.
8. Гушев, М. Е. К вопросу о значимости предварительного расследования / М.Е. Гушев, В.С. Изосимов // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2018. – N 1. – С. 110-113.
9. Ефремова, Н.П. Институт сроков предварительного следствия неэффективен / Н.П. Ефремова // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – N 2. – С. 423-426.
10. Ларичев, В.Д. Организованная преступность и киберпреступность: вопросы соотношения и законодательного урегулирования / В.Д. Ларичев, Т.В. Якушева // Журнал российского права. – 2023. – N 3. – С. 82-99.

11. Поляков, В.В. К проблеме криминалистической сложности расследования высокотехнологичных преступлений / В.В. Поляков // Российский следователь. – 2023. – N 11. – С. 7-10.

12. Тарасов, А.А. Процессуальная форма и бюрократический формализм: проблема соотношения в уголовном судопроизводстве / А.А. Тарасов // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2017. – N 2. – С. 155-161.

13. Трухачев, В.В. Критерии сложности уголовного дела в уголовном судопроизводстве / В.В. Трухачев // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2012. – N 2. – С. 388-392.

14. Храмцова, В.В. Срок предварительного следствия: вчера, сегодня, завтра / В.В. Храмцова // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития : сборник научных трудов X ежегодной всероссийской конференции. – М., 2021. – С. 406-411.

15. Цветков, Ю.А. «Особо важные дела»: уголовно-процессуальный смысл / Ю.А. Цветков // Уголовное судопроизводство. – 2022. – N 3. – С. 18-27.